

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И НРАВСТВЕННЫХ НОРМАТИВОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2018

М.К. Акимова, доктор психологических наук,
профессор кафедры общей психологии и психодиагностики Института психологии имени Л.С. Выготского
Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия)

О.А. Галстян, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и социальной педагогики
Государственный гуманитарно-технологический университет, Орехово-Зуево (Россия)

Ключевые слова: социальная активность студенческой молодежи; практики социального взаимодействия; нравственные нормативы; доверительность; солидарность; честность.

Аннотация: Исследование проводилось с целью установления предпочитаемых студенческой молодежью практик повседневного непосредственного социального взаимодействия, а также взаимосвязей между этими практиками и такими нравственными нормативами, как доверительность, честность и солидарность. В выборку вошли студенты вуза Московской области, обучающиеся по гуманитарным направлениям подготовки ($N=88$).

Диагностика практик повседневного социального взаимодействия осуществлялась с помощью диагностического интервью, стимульным материалом которого является описание проблемных ситуаций общественной жизни. Испытуемый определяет значимость, предлагаемой ситуации и осуществляет решение, заложенной в ней проблемы, путем выбора из перечня вариантов ответа определенной практики социального взаимодействия. Оценка нравственных нормативов осуществлялась с помощью тестов-опросников, позволяющих измерять уровень сформированности разных аспектов доверительности и солидарности, а также степень легитимизации разных проявлений нечестности.

Попарный корреляционный анализ показал, что предпочитаемыми практиками социального взаимодействия студентов являются активные стратегии. Установлено, что степень их предпочтения зависит от уровня самостоятельности субъекта во взаимодействии и, как следствие, уровня ответственности за последствия этих действий. На основе корреляционного анализа выявлен вклад определенных нормативов в реализацию конкретных практик социальной активности студентов. Установлено, что норматив гражданственности отличается тотальностью влияния на общественную активность молодежи. Результаты имеют прикладное значение, так как выявляют «мишени» воспитательной работы, проводимой в вузе.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с выделением типов студентов, характеризующихся определенными практиками социального взаимодействия и моральными регуляторами поведения, и определением их представленности в выборке.

ВВЕДЕНИЕ

Современные общественные, политические и экономические формы жизни во всем мире характеризуются жесткой конкуренцией и высокими темпами развития. Обеспечить конкурентоспособность и нормальное функционирование страны в таких условиях может только активность членов общества и прежде всего молодежи, поскольку именно она в силу своих физиологических и психологических ресурсов обладает наибольшим потенциалом, необходимым для реализации различных видов социальной активности: политической, гражданской, трудовой, творческой и научной [1, с. 33].

Студенческая составляющая молодежи является наиболее «доступной» для реализации этого потенциала государственными институтами. Территориальная объединенность студентов на ограниченном пространстве вуза и возрастная однородность облегчает организацию и управление этой активностью.

По данным Росстата, на 1 января 2017 года численность молодежи в России в возрасте от 15 до 19 лет составляет 6 689 989 человек, в возрасте от 20 до 24 лет – 7 827 731 человек, в возрасте от 25 до 29 лет – 11 878 430 человек, что в сумме составляет 18 % от общей численности населения [2].

Студенческая молодежь рассматривается некоторыми авторами как наиболее активный слой общества, «...поскольку выпускники вузов пополняют ряды ин-

теллигенции и высококвалифицированных специалистов, от мировоззрения и поведения которых зависит успешное функционирование не только экономики, но и политической сферы» [3, с. 485]. Именно студенческая среда является источником формирования молодежных лидеров, будущих общественных и политических деятелей [4].

В то же самое время другие авторы подчеркивают негативные процессы, затрагивающие данный слой общества как в России, так и за рубежом и проявляющиеся в нарастании социальной апатии и отчуждения, в снижении уровня социальной активности и культуры [5–7]. В современной России «...происходит снижение социальной ценности духовно-нравственной сферы, усиливается маргинальность, коллективная безответственность и некомпетентность...» [8, с. 141].

Правильнее утверждать, что студенческая молодежь сегодня является носителем потенциальной, латентной социальной активности. Ее реализация возможна только в случае грамотной работы, в основе которой лежит понимание ее факторов и механизмов функционирования. Большинство психологических и социологических исследований посвящено изучению именно условий и факторов, детерминирующих социальную активность студенческой молодежи. Перечень внешних/средовых факторов социальной активности молодежи, влияющий в исследованиях, достаточно широк: семья, СМИ, уровень жизни, социальное неравенство,

программы патриотического воспитания, реализуемые институтами гражданского общества [9]; организация пространства здания факультета как среды социального взаимодействия [10]; региональные различия [11]; социокультурная среда вуза и его социальный контекст, определяемый территориальным статусом города, в котором расположен вуз [12].

В качестве внутренних факторов социальной активности молодежи в исследованиях выделяются: межличностное и институциональное доверие молодежи [13; 14]; инициативность [15]; мотивы общения, ожидание продвижения в карьере, установление контактов, которые могут помочь в жизни, желание помочь, мотив саморазвития [16]; социально-политическая информированность как компонент политической компетентности [17].

Интересуют исследователей и факторы сдерживания социальной активности, являющиеся причинами индифферентного отношения молодежи к общественной жизни. Г.А. Величко называет следующие сдерживающие факторы: недостаточное развитие чувства патриотизма, навыков участия в жизни гражданского общества; низкий уровень доверия к государственным, общественным институтам и информированности об их деятельности; убежденность, что невозможно за счет собственных усилий изменить ситуацию [18, с. 103]. К.Г. Сохадзе обращает внимание на такие причины неучастия студенческой молодежи в общественной жизни, как отсутствие материальной выгоды, «не интересно», недостаточная информированность, негативный образ общественных объединений [19, с. 355].

Частую изучение внутренних факторов идет в отрыве от самой социальной активности, другими словами, исследования, пытающиеся установить, какие именно практики повседневного социального взаимодействия и механизмы общественной активности молодежи запускаются теми или иными внутренними факторами, практически отсутствуют.

Особая роль в детерминации социального взаимодействия отводится нравственным нормативам, которые являются внутренним психологическим условием позитивных социальных отношений, направленных на решение возникающих в обществе проблем, актуализирующих свободу выбора, самостоятельность в принятии решений. С ними связаны проблемы регуляции поведения человека во всех сферах социальной жизни и в конкретных социальных ситуациях. К.М. Гуревич понимает нормативы как заданные требования социальной и природной среды к разным сторонам психического развития человека [20]. К числу важнейших нормативов относят доверительность, честность и солидарность.

Цель работы – выявление доминирующих стратегий социального взаимодействия студенческой молодежи и изучение их взаимосвязей с такими нравственными нормативами, как доверительность, честность и солидарность.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 88 испытуемых – студенты, обучающиеся в Государственном гуманитарно-технологическом университете по направлениям подготовки «Психолого-педагогическое образование», «Педагогическое образование» и «Специальное (дефектологическое) образование», в возрасте от 16 до 23 лет.

Оценка стратегий социального взаимодействия студентов осуществлялась с помощью диагностического интервью «Социальное взаимодействие» (авторы М.К. Акимова, Е.И. Горбачева, С.В. Персиянцева, Т.А. Сысоева, С.В. Ярошевская) [21]. Методика содержит описание 20 повседневных социальных ситуаций. Испытуемый должен оценить значимость описанной ситуации и 5 вариантов ее решения по степени предпочтительности по шкале от 0 до 5. В методике предлагаются следующие варианты решения ситуации:

1. Намерение ничего не делать, столкнувшись с ситуацией – показатель «Ничего не делать».

2. Намерение действовать в одиночку, индивидуально, не вступая во взаимодействие с другими людьми, стремление взять ответственность за выход из ситуации на себя – показатель «Индивидуальное решение».

3. Сотрудничество в форме установления горизонтальных связей в обществе – показатель «Организатор».

4. Сотрудничество в форме установления вертикальных связей в обществе, то есть с людьми, имеющими более высокий статус, обладающими особыми полномочиями, позволяющими справиться с ситуацией, – показатель «Инициатор».

5. Сотрудничество, проявляющееся в готовности стать участником совместных действий, организованных другими людьми, – показатель «Участник».

Измерение внутренних коррелятов практик (нравственных нормативов) осуществлялось с помощью опросников «Доверительные отношения», «Легитимизация нечестности» и «Солидарность» (авторы М.К. Акимова, Е.И. Горбачева) [22].

Черты, отраженные в опроснике «Доверительные отношения», характеризуют некоторые особенности взаимодействия с окружающими, отношения к ним как к субъектам, заслуживающим доверия, поддержки, интереса, помощи, сочувствия, терпения, сотрудничества. Опросник включает пять шкал: 1) «Позитивные представления о людях»; 2) «Польза от доверительных отношений с людьми»; 3) «Позитивное представление о государственных и общественных институтах»; 4) «Доверие к себе»; 5) «Осторожность как следствие недоверия и представления о человеческой изменчивости».

Опросник «Легитимизация нечестности» выявляет меру допустимости нарушения одного из важнейших нравственных требований к взаимоотношениям с людьми – честности. Опросник включает пять субшкал, диагностирующих отношение к обману, лицемерию, вероломству, лживости и воровству. Шкала «Обман» отражает степень нечестности в поступках. Шкала «Лицемерие» измеряет склонность скрывать заведомо безнравственные поступки, приписывать им моральный смысл, оправдывать, скрывать истинные мысли, мотивы. Шкала «Вероломство» диагностирует нарушение верности принятым словам и обязательствам, измену делу, идее, человеку. Шкала «Лживость» представляет стремление человека говорить заведомо неправду, на словах скрывать истинное положение вещей. Шкала «Воровство» отражает частный случай обмана, проступок, заключающийся в присвоении чужой материальной ценности (вещи, денег).

Опросник «Солидарность» направлен на оценку такой черты, как любовь к близким, а также отношений к социальным группам и народу в целом. Он состоит

из трех шкал: 1) «Любовь к близким»; 2) «Патриотизм»; 3) «Гражданственность». Первая шкала состоит из утверждений, отражающих меру привязанности, интереса, любви, отзывчивости по отношению к родным и друзьям. Вторая шкала измеряет уровень патриотизма, понимаемого как любовь к своей стране, идентификация с ней, с соотечественниками. Третья шкала диагностирует равнодушие к общественным проблемам, гражданскую ответственность, стремление участвовать в общественной жизни.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью корреляционного анализа, использовался коэффициент корреляции *r*-Пирсона. Расчеты велись в программе *Statistica 10.0*.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Корреляционный анализ выявил целый ряд значимых взаимосвязей между переменными.

В таблице 1 представлены значимые величины коэффициента корреляции, полученные при установлении взаимосвязей между показателями диагностического интервью «Социальное взаимодействие».

Расчеты коэффициента *r*-Пирсона показали, что оценка значимости ситуации положительно коррелирует на высоком уровне статистической значимости со всеми показателями активных стратегий социального взаимодействия («Индивидуальное решение» ($r=0,585$; $p\leq 0,001$); «Организатор» ($r=0,632$; $p\leq 0,001$); «Инициатор» ($r=0,600$; $p\leq 0,001$); «Участник» ($r=0,670$; $p\leq 0,001$)). В то же самое время оценка значимости ситуации отрицательно коррелирует на высоком уровне достоверности с показателем пассивной стратегии социального взаимодействия «Ничего не делать» ($r=-0,321$; $p\leq 0,01$).

Более того, все показатели, отражающие активные стратегии социального взаимодействия, положительно на высоком уровне достоверности коррелируют между собой и отрицательно – с показателем пассивной стратегии «Ничего не делать». На основе этих данных можно сделать предположение, что показатели «Значимость ситуации взаимодействия», «Индивидуальное решение», «Организатор», «Инициатор» и «Участник» входят в один фактор, который условно можно назвать «Социальная активность». Это означает, что чем ниже оценивается значимость проблемы, тем чаще индивиды проявляют социальную пассивность и безразличие в отношении необходимости ее решить и наоборот.

Величины коэффициента корреляции, полученные при сопоставлении оценок значимости ситуации и показателей практик социального взаимодействия, позволяют ранжировать последние по степени предпочтительности испытуемыми. Высокие положительные величины коэффициента корреляции соответствуют ведущим стратегиям социального взаимодействия испытуемых, средние положительные – предпочитаемым практикам, высокие отрицательные – отвергаемым практикам.

Ранжированный список практик социального взаимодействия студенческой молодежи выглядит следующим образом:

- 1) «Участник» ($r=0,670$);
- 2) «Организатор» ($r=0,632$);
- 3) «Инициатор» ($r=0,600$);
- 4) «Индивидуальное решение» ($r=0,585$);
- 5) «Ничего не делать» ($r=-0,321$).

Результаты ранжирования позволяют говорить, что наиболее предпочитаемой студентами стратегией взаимодействия в значимых ситуациях является стратегия участника решения проблемы, выражающаяся в желании примкнуть к другим, откликнуться на их действия или призывы. На втором месте расположилась стратегия организатора, проявляющаяся в стремлении инициировать других, равных себе по статусу, на совместные действия, в стремлении привлечь других людей в их организации. Далее следует стратегия инициатора, предполагающая обращения в инстанции или к некоторым индивидам, занимающим более высокое положение по отношению к субъекту. Замыкает иерархию активных стратегий практика, заключающаяся в совершении самостоятельных, одиночных действий, не подкрепленных участием других людей.

В таблице 2 представлены результаты корреляционного анализа, проведенного между показателями диагностического интервью «Социальное взаимодействие», отражающими практики социального взаимодействия, и показателями опросников «Доверительные отношения», «Легитимизация нечестности», «Солидарность», отражающими нравственные нормативы. Остальные значимые взаимосвязи, выявленные в ходе корреляционного анализа, не являются предметом обсуждения данной статьи.

Корреляционный анализ выявил достоверную положительную взаимосвязь показателя «Ничего не делать» и показателя «Обман» ($r=0,229$; $p\leq 0,05$). Это означает,

Таблица 1. Величины коэффициента корреляции *r*-Пирсона, рассчитанные на основе данных диагностического интервью «Социальное взаимодействие»

Показатели методики	Значимость ситуации	Ничего не делать	Индивидуальное решение	Организатор	Инициатор	Участник
Значимость ситуации	1,000	-0,321	0,585	0,632	0,597	0,670
Ничего не делать	-0,321	1,000	-0,461	-0,453	-0,486	-0,389
Индивидуальное решение	0,585	-0,461	1,000	0,795	0,678	0,690
Организатор	0,632	-0,453	0,795	1,000	0,731	0,682
Инициатор	0,597	-0,486	0,678	0,731	1,000	0,742
Участник	0,670	-0,389	0,690	0,682	0,742	1,000

Примечание: полужирным шрифтом и курсивом выделены статистически значимые величины.

Таблица 2. Величины коэффициента корреляции *r*-Пирсона, рассчитанные на основе диагностического интервью «Социальное взаимодействие» и опросников «Доверительные отношения», «Легитимизация нечестности», «Солидарность»

Показатели нормативов	Показатели практик				
	Ничего не делать	Индивидуальное решение	Организатор	Инициатор	Участник
Позитивное представление о людях	-0,150	0,261	0,235	0,021	0,226
Польза от доверительных отношений с людьми	-0,134	0,124	0,175	0,179	0,166
Позитивное представление о государственных и общественных институтах	0,040	0,235	0,088	0,059	0,028
Доверие к себе	0,029	0,148	0,071	0,156	0,130
Осторожность как следствие недоверия...	-0,161	0,004	-0,060	0,027	-0,055
Обман	0,229	-0,257	-0,150	-0,189	-0,193
Лицемерие	0,138	-0,089	-0,074	-0,050	-0,071
Вероломство	0,143	-0,104	-0,131	-0,018	0,027
Лживость	0,178	-0,070	-0,111	-0,192	-0,158
Воровство	0,094	-0,099	-0,009	-0,022	-0,019
Любовь к близким	-0,025	0,058	0,020	-0,151	-0,052
Патриотизм	-0,174	0,142	0,227	0,080	0,227
Гражданственность	-0,271	0,421	0,426	0,215	0,349

что чем более студенты склонны к проявлению нечестности в поступках, тем чаще они проявляют социальную пассивность и безразличие.

Показатель стратегии «Индивидуальное решение» положительно коррелирует на статистически значимом уровне с показателями таких нормативов, как «Гражданственность» ($r=0,421$; $p \leq 0,001$), «Позитивное представление о государственных и общественных институтах» ($r=0,235$; $p \leq 0,05$) и «Позитивное представление о людях» ($r=0,261$; $p \leq 0,05$).

Выявленные достоверные взаимосвязи указывают на то, что к самостоятельным действиям с высоким уровнем ответственности за их результат в проблемных ситуациях склонны испытуемые, равнодушные к общественным проблемам, имеющие развитую гражданскую ответственность и стремление участвовать в общественной жизни, доверяющие общественным и государственным организациям, движениям и их представителям.

Показатель стратегии «Организатор» положительно коррелирует на статистически значимом уровне с показателями таких нормативов, как «Гражданственность» ($r=0,426$; $p \leq 0,001$), «Позитивное представление о людях» ($r=0,235$; $p \leq 0,05$) и «Патриотизм» ($r=0,227$; $p \leq 0,05$).

Показатель стратегии «Участник», как и показатель стратегии «Организатор», положительно коррелирует на статистически значимом уровне с показателями таких нормативов, как «Гражданственность» ($r=0,349$; $p \leq 0,01$), «Позитивное представление о людях» ($r=0,226$; $p \leq 0,05$) и «Патриотизм» ($r=0,227$; $p \leq 0,05$).

Эти результаты позволяют говорить, что чем более развито у испытуемых чувство любви к своей стране, гражданская ответственность, стремление участвовать в общественной жизни и позитивное представление о людях,

тем более они склонны к сотрудничеству с друзьями, знакомыми, людьми, находящимися рядом и имеющими возможность включиться в решение общественной проблемы.

Показатель стратегии «Инициатор» положительно коррелирует на статистически значимом уровне только с показателем норматива «Гражданственность» ($r=0,215$; $p \leq 0,05$). Таким образом, можно говорить, что чем более испытуемые равнодушны к общественным проблемам, тем более они склонны к апеллированию к вышестоящим органам и их представителям с целью решения этих проблем.

Были выявлены и достоверные отрицательные связи практик с нормативами. Так, показатель стратегии «Индивидуальное решение» достоверно отрицательно связан с показателем норматива «Обман» ($r=-0,257$; $p \leq 0,05$), а показатель «Ничего не делать» – с показателем норматива «Гражданственность» ($r=-0,271$; $p \leq 0,05$). Это означает, что чем более испытуемые склонны к легитимизации нечестных поступков, тем менее они самостоятельны в решении социальных проблем. Чем более развито у индивида чувство гражданственности, тем реже он проявляет социальную пассивность и безразличие в отношении необходимости решить социальную проблему.

ВЫВОДЫ

1. На основании исследования взаимосвязей субъективных оценок значимости социальных ситуаций и стратегий поведения в них доказано, что:

а) оценка значимости ситуации социального взаимодействия находится в положительной взаимосвязи с уровнем активности индивидуума в ней. Студенты тем более активны, чем более значима для них переживаемая ситуация;

б) исследуемая студенческая молодежь характеризуется социальной активностью. Предпочитаемыми стратегиями социального взаимодействия испытуемых являются активные практики. Отвергаемой студентами стратегией социального взаимодействия является практика, заключающаяся в проявлении социальной пассивности и безразличия.

В реальных проблемных ситуациях студенты склонны к активным действиям, но в первую очередь предпочитают действия с наименьшим уровнем ответственности за их последствия и в последнюю очередь – стратегии, предполагающие индивидуальные действия. Студенты хорошо умеют сотрудничать, как на уровне горизонтальных, так и на уровне вертикальных связей, но в меньшей степени умеют действовать самостоятельно и брать ответственность на себя.

2. На основании исследования взаимосвязей стратегий социального взаимодействия студенческой молодежи и таких нравственных нормативов, как доверительность, честность и солидарность, установлено, что:

а) уровень развития гражданственности находится в устойчивой положительной взаимосвязи со всеми активными практиками социального взаимодействия и в отрицательной взаимосвязи с социальной пассивностью. Данный нравственный норматив имеет тотальное влияние на практики социального взаимодействия студентов, и как следствие гарантирует их разнообразную социальную активность. Следовательно, как вуз, так и общество в целом должны уделять внимание в первую очередь именно воспитанию гражданственности;

б) уровень развития патриотизма и таких аспектов норматива доверительности, как позитивное представление о людях и позитивное представление о государственных и общественных институтах, также находится в положительной взаимосвязи с большинством активных практик, предполагающих реализацию совместных действий с другими людьми как на уровне горизонтальных, так и на уровне вертикальных связей;

в) легитимизация нечестности в поступках детерминирует социальную пассивность и блокирует индивидуальную социальную активность студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Индивидуальные и средовые факторы, определяющие практики социального взаимодействия у студенческой молодежи» № 17-06-00768.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каратабан И.А. Социальный потенциал студенческой молодежи как предмет методологического анализа // Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Ч. III. Люберцы: АР-Консалт, 2017. С. 33–34.
- Демографический ежегодник России 2017: статистический сборник. М.: Росстат, 2017. 263 с.
- Тевлюкова О.Ю. Общественно-политическая активность студенческой молодежи // Наука и образование: современные тренды. 2015. № 2. С. 485–494.
- Тихонов В.Г. Социально-политическая активность российской студенческой молодежи: методологические проблемы социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 71–73.
- Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
- Димитров И.Т., Петкова И.О. Смыслоразнозначные ориентации и жизнестойкость у болгарских студентов гуманитарных специальностей // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 295–308.
- Гусельцева М.С. Образы достойного будущего как фактор позитивной социализации детей и подростков: идея гуманизма // Образовательная политика. 2015. № 4. С. 7–27.
- Чумакова Т.Н., Николаева Л.С. Ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте кризиса социализационной системы трансформирующегося Российского общества // Актуальные проблемы воспитания в образовательной среде: сборник материалов международной междисциплинарной научно-практической конференции. Новочеркасск: Лик, 2017. С. 140–142.
- Omelchenko D., Maximova S., Avdeeva G., Goncharova N., Noyanzina O., Surtaeva O. Patriotic education and civic culture of youth in Russia: sociological perspective // Procedia – Social and Behavioral Sciences: proceedings of 2nd global conference on psychology researches (GCPR-2014). 2015. Vol. 190. P. 364–371.
- Siramkaya S., Aydin D. “Social Space” Concept In The Psycho – Social Development Of University Youth And Its Exemplification In Faculty Buildings // Procedia – Social and Behavioral Sciences: 2nd world conference on psychology and sociology (PSYSOC 2013). 2014. Vol. 140. P. 246–254.
- Акимова М.К., Сысоева Т.А. Влияние региональных различий на специфику ценностного отношения к миру // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 3. С. 6–16.
- Галстян О.А. Нравственные регуляторы социальной активности студенческой молодежи // Вестник государственного гуманитарно-технологического университета. 2018. № 2. С. 45–50.
- Слонский Е.С. Уровень доверия молодежи к основным демократическим институтам // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2010. № 2. С. 245–250.
- Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekenova N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social Activity Of Youth In Social And Cultural Measurement // Procedia – Social and Behavioral Sciences: 2nd world conference on psychology and sociology (PSYSOC 2013). 2014. Vol. 140. P. 109–114.
- Балабанова Е.С. Личностные и групповые факторы развития социальной активности молодежи // Приоритетные направления развития науки и образования. 2015. № 2. С. 226–229.
- Балог А.И. Формирование социальной активности молодежи: особенности, структура и мотивы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1. С. 85–89.
- Васильева Е.Н., Полтавская М.Б., Левковская Н.Г. Формирование социально-политической активности студенческой молодежи: социализирующие факторы

- и педагогические установки // Интернет-журнал Науковедение. 2015. Т. 7. № 2. С. 142–154.
18. Величко Г.А. Гражданская активность современной российской молодежи // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: сборник материалов Межрегиональной научной конференции. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 92–104.
  19. Сохадзе К.Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348–363.
  20. Гуревич К.М. Дифференциальная психология и психодиагностика. Избранные труды. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
  21. Акимова М.К., Персиянцева С.В. Влияние субъективных оценок значимости проблемных ситуаций на механизмы социального взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 1. С. 89–98.
  22. Акимова М.К., Горбачева Е.И. Социальный капитал личности: нормативный подход к изучению и диагностике // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 58–67.
- #### REFERENCES
1. Karataban I.A. Social potential of the student-age population as an object of methodological analysis. *Perspektivy razvitiya nauki i obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Lyubertsy, AR-Konsalt Publ., 2017. Ch. III, pp. 33–34.
  2. *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii 2017: statisticheskii sbornik* [Demographic Yearbook of Russia 2017: Statistical Digest]. Moscow, Rosstat Publ., 2017. 263 p.
  3. Tevlyukova O.Yu. Socio-political activity of the student-age population. *Nauka i obrazovanie: sovremennyye trendy*, 2015, no. 2, pp. 485–494.
  4. Tikhonov V.G. Social and political activity of Russian students youth: methodological problems of social studies. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2011, no. 7, pp. 71–73.
  5. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster Publ., 2000. 541 p.
  6. Dimitrov I.T., Petkova I.O. Noetic goals and vitality of bulgarian humanities students. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2015, no. 12, pp. 295–308.
  7. Guseltseva M.S. Images of worthy future as a factor of positive socialization of children and adolescents. The idea of humanism. *Obrazovatel'naya politika*, 2015, no. 4, pp. 7–27.
  8. Chumakova T.N., Nikolaeva L.S. Value orientations of student youth in the context of the crisis of socialization of the system transforming Russian society. *Aktualnye problemy vospitaniya v obrazovatel'noy srede: sbornik materialov mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novocherkassk, Lik Publ., 2017, pp. 140–142.
  9. Omelchenko D., Maximova S., Avdeeva G., Goncharova N., Noyanzina O., Surtaeva O. Patriotic education and civic culture of youth in Russia: sociological perspective. *Procedia – Social and Behavioral Sciences: proceedings of 2nd global conference on psychology researches (GCPR-2014)*, 2015, vol. 190, pp. 364–371.
  10. Siramkaya S., Aydin D. “Social Space” Concept In The Psycho – Social Development Of University Youth And Its Exemplification In Faculty Buildings. *Procedia – Social and Behavioral Sciences: 2nd world conference on psychology and sociology (PSYSOC 2013)*, 2014, vol. 140, pp. 246–254.
  11. Akimova M.K., Sysoeva T.A. Influence of regional differences on the specifics of value-conscious attitude to the world. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, 2014, vol. 7, no. 3, pp. 6–16.
  12. Galstyan O.A. Moral regulators of the social activity of the student-age population. *Vestnik gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 45–50.
  13. Slonskiy E.S. Level of Youth's Confidence to the Main Democratic Institutions. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 245–250.
  14. Yeshpanova D., Narbekova G., Biyekeeva N., Kuchinskaya J., Mukanova O. Social Activity Of Youth In Social And Cultural Measurement. *Procedia – Social and Behavioral Sciences: 2nd world conference on psychology and sociology (PSYSOC 2013)*, 2014, vol. 140, pp. 109–114.
  15. Balabanova E.S. Personality and group factors of the development of social activity of young people. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 2, pp. 226–229.
  16. Balog A.I. Formation of youth's social activity: features, structure and motives. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 11-1, pp. 85–89.
  17. Vasileva E.N., Poltavskaya M.B., Levkovskaya N.G. Formation of social and political activity of students: socializing factors and educational settings. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 142–154.
  18. Velichko G.A. Civic activity of Russian youth. *Tsennostnye orientatsii molodezhi v usloviyakh modernizatsii sovremennogo obshchestva: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2018, pp. 92–104.
  19. Sokhadze K.G. Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 348–363.
  20. Gurevich K.M. *Differentsial'naya psikhologiya i psikhodiagnostika. Izbrannyye Trudy* [Differential psychology and psychodiagnostics. Selected works]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2008. 336 p.
  21. Akimova M.K., Persiyantseva S.V. The influence of subjective assessments of the significance of problem situations on the mechanisms of social interaction. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 2018, no. 1, pp. 89–98.
  22. Akimova M.K., Gorbacheva E.I. Social capital of a personality: normative approach to the study and diagnostics. *Voprosy psikhologii*, 2014, no. 1, pp. 58–67.

**THE INTERRELATION OF SOCIAL INTERACTION PRACTICES
AND MORAL STANDARDS OF THE STUDENT-AGE POPULATION**

© 2018

M.K. Akimova, Doctor of Sciences (Psychology),
professor of Chair of General Psychology and Psychodiagnostics of L.S. Vygotsky Institute of Psychology
Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia)
O.A. Galstyan, PhD (Psychology), assistant professor of Chair of Psychology and Social Pedagogy
State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo (Russia)

Keywords: social activity of student-age population; social interaction practices; moral standards; confidence; solidarity; honesty.

Abstract: The study was carried out in order to establish the practices of daily direct social interaction preferred by the student-age population, as well as the interrelations between these practices and such moral standards as confidence, honesty, and solidarity. The sample included the students of a Moscow region University studying in the Humanities ($N=88$).

The diagnostics of the everyday social interaction practices was carried out with the help of the diagnostic interviews, the stimulus material of which is the description of the problem situations of social life. The subject determines the significance of the proposed situation and implements the solution of the problem by choosing from the fan of options of a social interaction strategy/practice. The evaluation of moral standards was carried out by means of test-questionnaires allowing measuring the level of formedness of different aspects of confidence and solidarity, as well as the degree of the legitimization of different manifestations of dishonesty.

Pairwise correlation analysis showed that the active strategies were the preferred social interaction practices of the students. It was found that the degree of their preference depended on the level of independence of a subject within the interaction and, as a consequence, on the level of responsibility for the after-effects of these actions. Based on the correlation analysis, the authors identified the contribution of certain standards to the implementation of specific social activity practices of the students. It is found that the standard of citizenship is characterized by the total impact on the social activity of young people. The results have the applied significance as they identify the “targets” of the educational work carried out at the university.

Further prospects of the research are related to the identification of the types of the students characterized by the certain social interaction practices and moral regulators of behavior and the determination of their representation in the sample.